«ПЛАТОНОВ» А. П. ЧЕХОВА КАК ПАРОДИЯ НА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Холбаева Мукаддас Сайдуллаевна,
студентка 2-курса Самаркандского
педагогического института
Телефон: +998889422307
Эл. почта:xolbaevamukaddas@gmail.com
Научный руководитель: д.ф.ф.н (PhD) Мавлянова Тамилла Бахриллоевна

Аннотация. *Статья посвящена первой, юношеской пьесе А. П. Чехова, известной под условными названиями «Безотцовщина» и «Платонов» (1878–1881). Несмотря на то что текст был опубликован ещё в 1923 году, он остаётся на периферии исследовательского внимания по сравнению со зрелой драматургией писателя. В работе рассматривается, как в образе главного героя — сельского учителя Михаила Платонова — Чехов пародийно снижает классический тип «лишнего человека» русской литературы. Материалом служат монологи Платонова о любви и скуке, его реплики в диалогах с другими персонажами и оценки героя окружающими. Отдельное внимание уделено наблюдению Х. Мачник о «Платонове» как «интеллектуальном фарсе». Делается вывод, что уже в первой пьесе Чехов намечает приёмы, которые получат развитие в зрелых драмах: ослабление внешнего действия, ироническое снижение героя и «подводное течение».*

Ключевые слова: *А. П. Чехов; «Платонов»; «Безотцовщина»; «лишний человек»; пародия; ранняя драматургия; рецепция; Х. Мачник.*

A. P. CHEXOVNING "PLATONOV" ASARI "ORTIQCHA ODAM" TIPINING PARODIYASI SIFATIDA: MUAMMONING QO'YILISHI

Xolbayeva Muqaddas Saydullayevna,
Samarqand 2-kurs talabasi pedagogika institute

Annotatsiya. *Xulosa. Maqola A. P. Chekhovning "Otasizlik" va "Platonov" (1878-1881) shartli nomlari bilan tanilgan birinchi o'smirlar pyesasiga bag'ishlangan. Garchi matn 1923 yilda nashr etilgan bo'lsa-da, u yozuvchining etuk dramaturgiyasiga nisbatan tadqiqot diqqat markazida qolmoqda. Asarda Bosh qahramon — qishloq o'qituvchisi Mixail Platonov obrazida Chexov rus adabiyotining "ortiqcha odam" klassik turini parodiya bilan qanday kamaytirgani ko'rib chiqiladi. Material Platonovning sevgi va zerikish haqidagi monologlari, uning boshqa belgilar bilan dialoglardagi satrlari va boshqalar tomonidan qahramonning baholari. X. Machnikning "Platonov" ni "intellektual fars"sifatida kuzatishiga alohida e'tibor qaratildi. Xulosa shuki, birinchi spektaklda Chexov etuk dramalarda rivojlanadigan usullarni bayon qiladi: tashqi harakatlarning zaiflashishi, qahramonning istehzoli pasayishi va "suv osti oqimi".*

Kalit so'zlar: *A. P. Chexov; "Platonov"; "Otasizlik"; "qo'shimcha odam"; parodiya; dastlabki dramaturgiya; retsepsiya; H. Muchnik.*

“PLATONOV” BY A. P. CHEKHOV AS A PARODY OF “THE SUPERFLUOUS MAN”: TO THE PROBLEM STATEMENT

Kholbaeva Mukaddas Saidullaevna,
2nd-year student at the Samarkand
Pedagogical Institute

Summary. *The article is devoted to A. P. Chekhov’s first, youthful play, known under the tentative titles “Bezottsovshchina” and “Platonov” (1878–1881). Despite the fact that the text was published as early as 1923, it remains on the periphery of scholarly attention compared to the writer’s mature dramaturgy. The paper examines how, in the image of the main character — the village teacher Mikhail Platonov — Chekhov parodically downplays the classical type of the “superfluous man” in Russian literature. The material is Platonov's monologues about love and boredom, his lines in dialogues with other characters, and the hero's assessments of others. Special attention is paid to X's observation. Machnik describes Platonov as*

an "intellectual farce." It is concluded that already in the first play Chekhov outlines techniques that will be developed in mature dramas: the weakening of the external action, the ironic decline of the hero and the "undercurrent".

Key words. *A. P. Chekhov; "Platonov"; "Bezotsovshchina" ("Fatherlessness"); "superfluous man"; parody; early dramaturgy; reception; H. Muchnic.*

Первая пьеса Чехова, написанная в конце 1870-х — начале 1880-х годов, при жизни автора не публиковалась и не ставилась. По воспоминаниям брата, Михаила Павловича, Чехов позже уничтожил рукопись — «разорвал на мелкие кусочки» . Текст был впервые издан лишь в 1923 году Центрархивом, и это во многом объясняет, почему к пьесе долго не возникало устойчивого читательского и исследовательского интереса: в ней ещё не сложился тот чеховский стиль, который известен по зрелым работам.

Между тем именно в «Платонове» закладываются основы будущей чеховской драматургии. Цель настоящей статьи — показать, как в образе главного героя пародийно снижается тип «лишнего человека». Материалом служат монологи Платонова, его диалоги с другими персонажами и оценки, которые дают герою окружающие.

Первое достоверное свидетельство о пьесе содержится в письме Александра Павловича Чехова от 14 октября 1878 года, отправленном из Москвы в Таганрог. Брат писателя дал пьесе двойственную оценку: с одной стороны, признал, что «в безотцовщине две сцены обработаны гениально», с другой — назвал её в целом «непростительной, хотя и невинной ложью» . Показательна оговорка: ложь «невинная», потому что «истекает из незамутнённой глубины внутреннего миросозерцания» . Александр Павлович отметил и масштаб затраченных сил: «ты на неё затратил столько сил, энергии, любви и муки, что другой больше не напишешь» .

Позже, в 1924 году, М. П. Чехов вспоминал, что пьеса была «сделана по образцу французских мелодрам», «изобиловала диалогами», а её интрига производила сильное впечатление: «у меня от её интриги захватывало дух и холодело под сердцем» . М. Н. Ермолова, которой Чехов предлагал пьесу, «осталась недовольна этой пьесой, и автор подверг её перестройке, но и в изменённом виде пьеса так и не увидела света вплоть до самого 1923 года, когда её издал Центрархив» .

В юношеской пьесе герой наделяется эпитетами «незаурядный», «оригинальный», «необыкновенный» (Чехов, т. 11, с. —). Чехов работает с устойчивым литературным типом — «лишним человеком», находящимся в конфликте с обществом и переживающим внутреннюю драму. Однако уже здесь этот тип подвергается снижению.

Наиболее точно эту мысль сформулировала Хелен Мачник в книге «An Introduction to Russian Literature» (1947). Ключевая мысль Мачник в том, что Платонов — это пародия, интеллектуальный фарс на классических «лишних людей» русской литературы (вроде Онегина или Печорина). У него нет той глубины и подлинной отчуждённости: его «лишний» статус строится скорее на пустом самомнении и неспособности к действию, а не на серьёзном нравственном конфликте с обществом.

Мачник называет пьесу «интеллектуальным фарсом», потому что Платонов как будто примеряет на себя маски известных литературных типов (Дон Жуан, Гамлет, Тартюф), но не воплощает ни одну из них по-настоящему. Он одновременно и соблазнитель, и сомневающийся мыслитель, и лицемер — и при этом не обладает ни глубиной, ни последовательностью ни одного из этих архетипов.

Эта двойственность видна и в оценках, которые дают герою другие персонажи. Глагольев называет его «лучшим выразителем современной неопределённости» и «героем лучшего, ещё, к сожалению, не написанного

романа»: он «стал в тупик, теряется, не знает, на чём остановиться, не понимает» (Чехов, т. 11, с. 16). Студент Венгерович, напротив, видит в Платонове «современного Чацкого», который «не правды ищет, а увеселяется, забавляется»: «Я изучаю на вас современных Чацких… я понимаю вас! Вы, господин Чацкий, не правды ищите, а увеселяетесь, забавляетесь…» (Чехов, т. 11, с. 50). Сам же герой высокомерен со стариками — друзьями отца, а о своём браке с Сашей говорит цинично: «Мы с ней сошлись как нельзя лучше… Она глупа, а я никуда не годен» (Чехов, т. 11, с. 52).

Если примерить Платонова на классическую схему «лишнего человека», видно, что Чехов сохраняет все её внешние приметы — и почти каждую из них выворачивает наизнанку. Конфликт с обществом у героя есть, но он не нравственный, а позёрский: Платонов не противостоит среде, а разыгрывает противостояние. Размышления вместо действия сохранены полностью — он много говорит и ничего не делает, — но эти размышления лишены трагической глубины: это не мучительный поиск смысла, а самооправдание. «Умная ненужность» оборачивается пустым самомнением: герой умён на словах, но его ум не находит применения. Красноречие без поступков — центральная черта Платонова: его монологи о любви и скуке длинны и сбивчивы, он «то признаётся, что всё ещё любит, то упрекает почти обвиняя Софью, то злится на Сергея, то вспоминает, каким он был в юности», — и всё это ради ключевой фразы: «Пропала жизнь» . Наконец, поза — то, что у классического «лишнего человека» было формой отчуждения, у Платонова становится маской: он примеряет роли Дон Жуана, Гамлета, Тартюфа, но ни одна не держится на нём.

Иными словами, Чехов не создаёт нового «лишнего человека» — он проверяет тип на прочность и показывает, что без нравственного содержания все его признаки превращаются в фарс. Именно это имеет в виду Мачник, когда называет пьесу «интеллектуальным фарсом».

Внутренняя раздвоенность Платонова особенно отчётливо проявляется в монологах, где темы любви и скуки переплетаются. Один из ключевых отрывков звучит так: «Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать… Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней… По случайно наведённым справкам оказывается, что и она скучает за мной…» (Чехов, т. 11). Герой честно признаётся: он сам не понимает, что им движет — подлинное чувство или скука. Он замечает и взаимность: она тоже скучает в его обществе, и это ещё больше запутывает его.

В других монологах тема продолжается. Платонов размышляет о природе чувств и разочаровании: «Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь…» (Чехов, т. 11). В одном из кульминационных монологов звучит отчаяние: «Пропала жизнь! Волосы становятся дыбом на моей голове, когда я думаю об этой смерти! Как подняться…» (Чехов, т. 11).

В этих строках видна глубокая внутренняя раздвоенность: герой мечется между желанием найти настоящую любовь и ощущением всепоглощающей скуки, которая подтачивает жизнь.

Читая «Платонова», я поймала себя на двойственном впечатлении, и, кажется, именно эта двойственность — самое точное, что можно сказать о пьесе. С одной стороны, в ней есть глубокий смысл и актуальность: тема «как не потерять себя, когда прежние опоры рушатся, а новых ещё нет» звучит сегодня не менее остро, чем в 1878 году. С другой — текст местами кажется сумбурным, и в нём «фирменный чеховский психологизм ещё только намечается»: паузы нарочиты, подтекст слишком бросается в глаза, композиция не всегда выдерживает ту глубину, к которой стремится автор. Для меня это не недостаток, а свидетельство того, что мы читаем лабораторию будущего Чехова.

Особенно это чувствуется в сцене ночных свиданий, когда Платонова ждут сразу две женщины: он понимает, что «доигрался», спорит со своей совестью, уговаривает себя сбежать, чтобы не разрушать семьи и жизни людей, — и в то же время бежит на свидание с Софьей. Эта двойственность его изнашивает и мучает, и именно здесь, как мне показалось, Чехов ближе всего подходит к тому психологизму, который мы знаем по зрелым пьесам. А вот финал меня, честно говоря, озадачил: Платонов погибает не как трагический герой, а «как бес» — от руки Софьи, женщины, которая любила и верила ему больше всего. Я долго думала, зачем Чехову понадобился именно такой конец, и пришла к выводу, что в нём нет трагического просветления (того очищения, которое обычно испытывает зритель в финале классической трагедии), — есть горькая ирония, и она окончательно снимает с героя трагический ореол.

Отдельно я бы отметила «душную» атмосферу провинциальной жизни и галерею «потерянных» людей в имении вдовы Анны Петровны: кто-то прячется за бравадой, кто-то за равнодушием, кто-то отчаянно ищет опору. В этой среде «лишний человек» теряет романтический ореол — он не возвышается над бытом, а растворяется в нём.

Мне также показалась важной тема «безотцовщины» — не только буквальный смысл (отсутствие отца в жизни героя), но и более широкая метафора: духовная пустота, нравственная неопределённость, которая ведёт к трагедиям. И наконец, литературная параллель, которая возникает при чтении: фамилию Войницкого позже «узнают» в героях «Дяди Вани», — и это подсказывает, что «Платонов» не изолированный юношеский опыт, а начало сквозных чеховских образов.

Уже в первой пьесе Чехов намечает тот самый приём «подводного течения», когда главное происходит не в прямых репликах, а в паузах и недоговорённостях. В «Платонове» он ещё «сырой»: паузы выглядят

нарочитыми, подтекст слишком бросается в глаза, а композиция не выдерживает той психологической глубины, к которой стремится автор. Однако именно здесь формируется пародийное отношение к типу «лишнего человека»: Чехов сохраняет все его внешние признаки и показывает, что без нравственного содержания они превращаются в фарс. Дальнейший анализ «Платонова» в этом ключе позволит уточнить, как Чехов вырабатывал новый тип конфликта — между личностью, утратившей смысл, и действительностью.

Использованная литература

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–1988. Т. 11. С. 5–180.
2. Muchnic H. An Introduction to Russian Literature. New York, 1947.
3. Письма А. П. Чехова. М.: Изд. М. П. Чеховой, 1912. Т. 1 (1876–1887). 374 с.